

**«ОТЕЦ... ЕВО НАУЧИЛ НЕ ПАХАТЬ,
НО АРИХМЕТИКЕ И ГЕОМЕТРИИ»:
Г. Г. СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ**

1734 года ноября 11 дня в городе Якутске в доме поручика Кузьмы Шкадера в собрании гостей завязалось необычайное прение. В разгар застолья главный командир Охотского правления господин Григорий Скорняков-Писарев объявил себя автором геометрии.

В ответ на это глубокомысленное утверждение флота лейтенант Михаил Плаутин, резонно заметив, что «науки геометрии сочинитель Евклид», посоветовал собеседнику, чтобы тот «не возвышался и не сказывал на себя, что прежде ево сделано». Уязвленный напоминанием об античном предшественнике Григорий Григорьевич обозвал лейтенанта «детинишкой и сукиным сыном», веско прибавив, что тот «потерял свой смысл, не зная ничего». Услышав в ответ, что он сам «каналья», вконец разволнованный

главный командир схватился за шпагу и с криком «Зарежу!» ринулся на обидчика. Полемистов растащили...⁹¹⁸

Между тем самохвалебное заявление охотского гостя вовсе не было абсурдом. Дело в том, что он в самом деле являлся автором геометрии.

Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева затруднительно отнести к числу хрестоматийно известных государственных деятелей России XVIII века. Между тем его военная и правительственная карьера была сколь успешной, столь и неординарной. Достаточно только сказать, что в чин генерал-майора Григорию Скорнякову-Писареву довелось быть произведенным трижды.

Первый обер-прокурор Российской империи Г. Г. Скорняков-Писарев был выходцем из старинной, но незнатной фамилии каширских дворян, родоначальником которой, как уже говорилось, считался польский шляхтич Семен Писарь, выехавший в 1440-е годы на службу к великому князю московскому Василию II Васильевичу⁹¹⁹.

На протяжении XVII века 16 представителей фамилии сумели выслужить «московские» чины, войдя в число «царедворцев»⁹²⁰. Из рядов низового дворянства сумел выбиться также и отец будущего обер-прокурора Григорий Нефедьевич, достигший чина дворянина московского. Примечательно, что он позаботился дать сыну Григорию весьма необычное для России того времени домашнее образование. Как в 1722 году засвидетельствовал Григорий Григорьевич, «отец... ево научил не пахать, но арихметике и геометрии»⁹²¹.

Заодно отец основательно выучил сына и русской грамоте. Как явствует из многочисленных сохранившихся автографов, Григорий Григорьевич обладал почти каллиграфическим почерком со многими архаическими элементами графики XVII века.

Согласно архивному документу, в июне 1718 года Г. Г. Скорняков-Писарев показал себе 43 года⁹²², то есть родился он или в 1674-м, или в 1675 году. Григорий Григорьевич имел младшего брата Богдана, о котором уже повествовалось на страницах этой книги. Из обстоятельств частной жизни Григория Скорнякова-Писарева достоверно известно, что он был по меньшей мере дважды женат.

Первую его жену звали Екатерина Ивановна, в 1718 году ей было 40 лет. Родопроисхождение Е. И. Скорняковой-

Писаревой установить к настоящему времени не удалось. В этом браке «автор геометрии» имел дочь Анастасию 1708 или 1709 года рождения и сына Ивана, родившегося в 1713 (или 1714) году⁹²³. О второй супруге Григория Скорнякова-Писарева известно лишь, что звали ее Марина Кирилловна⁹²⁴.

Карьеру Григорий Григорьевич начал в стольниках при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана V Алексеевича, соправителя Петра I Алексеевича в 1682—1696 годах. Затем, подобно многим другим молодым придворным, Григорий Скорняков-Писарев был призван в армию («взят в ученье пехотному салдацкому строю»)⁹²⁵.

Не вполне ясным эпизодом биографии Григория Григорьевича является его образовательная поездка в Западную Европу. Известно, что в 1697 году для сопровождения направленного в итальянские государства князя Ивана Урусова был определен солдат Григорий Скорняков⁹²⁶. Однако традиционная идентификация этого солдата с Г. Г. Скорняковым-Писаревым вызывает изрядные сомнения: судя по всему, в Италию был командирован полуоднофамилец будущего обер-прокурора⁹²⁷. В этой связи неясна и достоверность сведений о последующем обучении Григория Григорьевича в Берлине механике и инженерному делу⁹²⁸.

Тем не менее документально известно, что в 1700 году, получив первый офицерский чин прапорщика, Григорий Скорняков-Писарев был зачислен в знаменитую бомбардирскую роту гвардии Преображенского полка⁹²⁹. В ту самую роту, командиром которой числился сам царь Петр Алексеевич, проходивший в полковых документах как Петр Михайлов.

Служба в привилегированном гвардейском подразделении отнюдь не являлась синекурой. С Преображенским полком Григорий Скорняков-Писарев прошел фронтовыми дорогами Великой Северной войны и Прутского похода и на склоне лет отмечал, что был «в атаках у швецких, полских, голстинских, померанских у десяти городов и на многих баталиях и акциях»⁹³⁰. Характерно, что фронтовая судьба хранила «автора геометрии»: в отличие от многих однополчан за все кампании он не получил ни царапины.

Воевал Г. Г. Скорняков-Писарев, судя по его продвижению в чинах, достойно (без реальных боевых заслуг гвардейцев тогда в чинах не повышали). Уже в 1704 году стал «командующим офицером» бомбардирской роты (то есть

ее фактическим командиром), в 1711-м — «от бомбардир» капитан-поручиком, а в январе 1716 года — гвардии майором⁹³¹. За участие в битве при Лесной будущий обер-прокурор получил серебряную медаль, за Полтаву — обширное имение Экиматово из вотчин подмосковного Троице-Сергиева монастыря.

Примечательно, что в связи с пожалованием этой деревни Г. Г. Скорняков-Писарев попытался заменить не вполне благозвучную часть своей фамилии. В документах 1710-х годов Григорий Григорьевич стал регулярно фигурировать как Экиматов-Писарев (подобное использование названия имения в качестве фамильного прозвища имело тогда широкое распространение среди польской шляхты). Новый вариант фамилии будущего обер-прокурора, однако, не утвердился.

Земельные владения Григория Григорьевича прирастали и позднее. В 1714 году он стал владельцем восьми пожалованных дворов в новозавоеванном Копорском уезде, а в 1717-м — целой кирхи в 197 дворов в Выборгском уезде⁹³².

Однако прочно вошедший в военно-походное окружение Петра I, завоевавший репутацию знатока артиллерийского и инженерного дела Г. Г. Скорняков-Писарев в правительственной среде продолжал оставаться фигурой малозаметной. Ситуация кардинально переменилась в 1718 году.

9 февраля 1718 года гвардии майор Григорий Скорняков-Писарев получил собственноручно написанный царем секретный указ отправиться в Суздаль⁹³³. Боевому офицеру-артиллеристу надлежало установить возможную причастность к делу опального царевича Алексея Петровича его матери — первой супруги государя Евдокии Федоровны. Еще в 1698 году насильно постриженная в монахини под именем Елены бывшая царица содержалась в Покровском девичьем монастыре.

Возложение на Г. Г. Скорнякова-Писарева поручения провести, в современном понимании, доследственную проверку в отношении бывшей царицы было не случайным. К 1718 году Петр I уже неоднократно откомандировывал лично известных ему гвардейцев для исполнения поручений следственного характера — в первую очередь в состав следственных канцелярий.

Как бы то ни было, царь Петр Алексеевич не прогадал с новым поручением своему сослуживцу по бомбардирской роте. Прибыв 10 февраля в Суздаль, не имевший никакой

юридической подготовки*, Григорий Скорняков-Писарев провел в Покровском монастыре серию грамотно организованных обысков и допросов. В итоге менее чем за недельный срок гвардии майор сумел не только получить сведения, изобличавшие Евдокию в оппозиционных настроениях, но и выявить сложившийся вокруг нее кружок единомышленников из числа светских и духовных лиц⁹³⁴.

Заодно в первом же донесении от 10 февраля Григорий Григорьевич крайне встревожил Петра I известием, что Евдокия Федоровна вообще не была пострижена⁹³⁵. Совершившееся в 1711 году бракосочетание царя с плененной в 1702 году бывшей пасторской служанкой Мартой Скавронской (в крещении Екатериной Алексеевной) оказывалось в этом случае незаконным, а родившийся в 1715 году государев любимец царевич Петр Петрович становился внебрачным ребенком. Впрочем, к облегчению государя, в ходе дальнейшего расследования информация о непострижении Евдокии не подтвердилась.

Верно оценив значение добытых Г. Г. Скорняковым-Писаревым сведений, Петр I предписал ему арестовать бывшую царицу и «ея фаворитов» и этапировать их в Москву. Уголовное дело по обвинению Евдокии и ее сообщников («суздальский розыск») стало одним из составных частей многоэпизодного дела по обвинению в государственной измене бывшего наследника престола царевича Алексея Петровича.

Продолжившееся с 16 февраля 1718 года в Москве, точнее в подмосковном селе Преображенском, расследование дела бывшей царицы осуществлялось форсированными темпами. Общее число арестованных по «суздальскому розыску» очень скоро достигло сорока пяти человек (включая 16 лиц духовного звания).

При всем том, что основная часть фигурантов дела, включая саму Евдокию, была повинна лишь в словесной критике Петра I и его нововведений да в ожидании воцарения Алексея Петровича, следствию удалось, вероятно, выйти на след реального заговора против царя-реформатора. Это произошло в ходе выяснения обстоятельств взаимоотношений Евдокии с бывавшим в Суздале неким майором С. Б. Глебовым.

* Элементарное представление о процедурах судопроизводства Григорий Григорьевич мог получить, разве что заседаая в полковом военном суде — «кригсрехте».

Будучи арестован и допрошен 20 февраля, Степан Глебов незамедлительно дал признательные показания, что якобы состоял с Евдокией Федоровной в интимных отношениях («жил с нею блудно»). На следующий день, 21 февраля, эти показания на очной ставке с ним подтвердила и сама бывшая царица⁹³⁶.

Подобные показания были крайне выгодны Петру I, весьма заинтересованному в компрометации бывшей жены. Лучшего сюжета, чем «блуд» монахини с мирянином, придумать было трудно. Загвоздка в данном случае заключалась в ином.

Дело в том, что при обыске в доме С. Б. Глебова была найдена подборка зашифрованных записей («писма цифирные»). И ключ к шифру столь легко согласившийся дать показания о связи с царицей-монахиней Степан Глебов выдать отказался, причем утвердился в этом отказе в ходе серии допросов под пыткой.

В итоге следствие было вынуждено удовлетвориться показаниями С. Б. Глебова, что зашифрованные записи содержат «выписки из книг» (?) и что он «цыфирь складывал сам и ни с кем не соглашался»⁹³⁷. Что же касается романических отношений с Евдокией Федоровной, то они, по всей очевидности, явились фантазией следователей, стремившихся в угоду царю (или же по его прямому указанию) скомпрометировать бывшую царицу⁹³⁸.

Между тем отказ выдать ключ к шифру обернулся для С. Б. Глебова не просто смертным приговором. Раздосадованный и встревоженный стойкостью подсудимого, Петр I распорядился подвергнуть его крайне редко применявшейся в России квалифицированной форме смертной казни — посажению на кол.

Казнь Степана Глебова состоялась в Москве в морозный день 15 марта 1718 года. На тот случай, если осужденный изъявил бы желание покаяться в ходе медленного умирания, на эшафот были направлены трое доверенных священнослужителей. Однако, несмотря на то что Степан Глебов промучился на колу почти сутки*, никаких откровений от него не последовало.

Исходя из обстоятельств дела С. Б. Глебова, можно предположить, что он был участником (или даже одним

* Для этого при казни Степана Глебова к колу была прибита горизонтальная рейка, чтобы казнимый под силой тяжести тела не сполз к земле. Кроме того, на казнимого надели шубу и меховые сапоги, чтобы он не замерз, и тем самым продлили его страдания.

из руководителей) заговора против Петра I, возникшего, вероятно, в среде офицеров «полевой» армии (гвардейцы были, несомненно, лояльны к царю). Как бы то ни было, тайну этого заговора, если он и в самом деле имел место, Степан Глебов унес с собой в могилу.

Из числа духовных лиц крупнейшим деятелем, изобличенным Г. Г. Скорняковым-Писаревым, явился ростовский епископ Досифей, лишенный сана 27 февраля 1718 года (далее в судебно-следственных документах он именовался «розстрига Демид»). Как было установлено следствием, Досифей-Демид всячески покровительствовал Евдокии Федоровне, предсказывал возвращение ей статуса царицы, высказывал негативное отношение к Петру I и желал скорейшего воцарения Алексея Петровича⁹³⁹.

Публичным итогом «суздальского розыска» явилось обнаружение 5 марта 1718 года беспрецедентно откровенного по содержавшимся «амурным» подробностям «Манифеста о бывшей царице Евдокии», типографски опубликованного тремя (!) тиражами⁹⁴⁰. Очень уж разбирало Петра I стремление «втоптать в грязь» бывшую супругу... Вслед за этим Евдокия Федоровна 20 марта была отправлена в ссылку под строгий надзор в девичий монастырь в Старую Ладугу.

После завершения «суздальского розыска» Г. Г. Скорняков-Писарев вслед за царем выехал в Санкт-Петербург. Здесь гвардии майор продолжил следственную деятельность уже на постоянной основе, будучи назначен государем в руководство только что основанной Тайной канцелярии, главой которой стал главный следователь по делу царевича Алексея Петровича тайный советник П. А. Толстой.

В новом качестве будущий обер-прокурор принял активное участие в продолжении расследования дела царевича и вошел также в состав специального судебного присутствия, которое приговорило Алексея Петровича к смертной казни⁹⁴¹. Уже после вынесения приговора Григорий Скорняков-Писарев 25 июля провел последний допрос царевича⁹⁴², скончавшегося на следующий день от последствий пыток.

Активное участие в расследовании дел Евдокии Федоровны и Алексея Петровича продвинуло карьеру Г. Г. Скорнякова-Писарева никак не менее, чем поля сражений. В декабре 1718 года «за верные труды в бывшем розыске» он получил чин полковника, 200 крестьянских дворов и ка-

менный дом на Васильевском острове Санкт-Петербурга* из числа конфискованных у разных лиц, осужденных по делу царевича Алексея⁹⁴³.

Работая в Тайной канцелярии, Григорий Скорняков-Писарев имел отношение к судебному следствию по многим делам. Так, в 1722 году он вел дело воронежца И. М. Завесина, который в состоянии сильного алкогольного опьянения объявил себя «холопом государя Алексея Петровича». Несмотря на то, что согласно добросовестно собранной Григорием Григорьевичем информации обвиняемый в пьяном виде и ранее допускал, мягко говоря, эксцентричные выходки, он был подвергнут пытке, а затем приговорен Тайной канцелярией к наказанию кнутом⁹⁴⁴.

Однако судебно-следственная деятельность в Тайной канцелярии отнюдь не исчерпывала круга занятий Григория Григорьевича. Еще 3 декабря 1718 года царь возложил на него руководство строительством Ладожского канала. Месяц спустя, в январе 1719 года, Петр I определил его на престижную должность начальника Морской академии⁹⁴⁵, а 8 мая того же года последовало высочайшее поручение руководить также устройством бечевника (дороги для бурлаков) от Ладоги по рекам Волхову и Мсте⁹⁴⁶.

Находил Григорий Григорьевич время и для интеллектуальных трудов. В августе 1720 года он подготовил для слушателей Морской академии «Науку статическую или механику» — первое отечественное пособие по механике. Сочинение гвардии майора Григория Григорьевича представляло собой глубокую сокращенную переработку двухтомного пособия немецкого математика и философа Иоганна Штурма «Молодая математика. Путеводитель для юношества по математике», изданного в Нюрнберге в 1702—1705 годах.

Автографический список «Науки статической...» был поднесен Григорием Скорняковым-Писаревым Петру I в ноябре 1720 года⁹⁴⁷. В феврале 1722 года «Наука статическая...» была типографски опубликована в Санкт-Петербурге⁹⁴⁸. Так что как ни поверни, а Григорий Григорьевич являлся все-таки «автором геометрии».

* Будучи капитально реконструирован Г. Г. Скорняковым-Писаревым, этот дом (несколько перестроенный в XIX веке) сохранился до настоящего времени. Его современный адрес: набережная Лейтенанта Шмидта, 7.

Возглавлял Морскую академию Григорий Григорьевич три года. 18 января 1722 года, вслед за распоряжением о назначении генерал-прокурором Российской империи генерал-майора П. И. Ягужинского, император собственноручно начертал: «В обор-прокуроры Григорья Писарева»⁹⁴⁹. Так 47-летний Г. Г. Скорняков-Писарев стал первым обер-прокурором Правительствующего сената. 22 января он был произведен в генерал-майоры.

Пребывание Г. Г. Скорнякова-Писарева на вершинах петербургской власти, однако, не затянулось. 2 октября обер-прокурор имел неосторожность принести протест на незаконное решение Сената от 26 сентября о выплате излишнего жалованья (в размере 298 рублей 84 копеек) советнику Берг-коллегии М. П. Шафирову⁹⁵⁰. Итогом протеста явился острейший конфликт, разгоревшийся между обер-прокурором и инициатором незаконного решения сенатором и вице-президентом Коллегии иностранных дел бароном П. П. Шафировым — старшим братом советника Михаила Шафирова.

Ареной многочисленных перепалок между Григорием Григорьевичем и бароном Петром Павловичем стали заседания Сената. В последние месяцы 1722 года регулярно повторявшиеся «многоплодные крики» обер-прокурора и барона друг на друга стали затруднять текущую работу сенаторов: и Григорий Скорняков-Писарев, и Петр Шафиров отличались неуравновешенностью и склонностью к агрессии.

Попутно участники конфликта направили серию взаимообличающих посланий к находившемуся в Персидском походе Петру I⁹⁵¹. Возвращение 18 декабря императора в Москву пригасило страсти.

Обратившись к делам после новогодних празднеств, государь пожелал прояснить обстоятельства недавней «междоусобной ссоры» в Сенате. 9 января 1723 года Петр I собственноручно написал указ об отстранении от должностей обоих участников склоки и об учреждении особого Вышнего суда для разбирательства их взаимных обвинений⁹⁵². Процесс над обер-прокурором и сенатором не затянулся⁹⁵³.

13 февраля за нарушение порядка на заседаниях Сената и ненадлежащий надзор за исполнением Сенатом одного из именных указов Вышний суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к разжалованию в рядовые «до выслуги» и конфискации имущества (кроме родового). Петр I утвер-

дил приговор без изменений⁹⁵⁴. Правительственная карьера бомбардира закончилась.

Вновь командированный (на этот раз без предоставления должности) на строительство Ладожского канала, Григорий Скорняков-Писарев недолго пробыл в немилости у императора. Воспользовавшись законным поводом — предстоящей коронацией Екатерины Алексеевны, опальный «автор геометрии» подал челобитную о возвращении чинов и «пожалованных деревень».

Последовавшая 7 мая 1724 года высочайшая резолюция отличалась неординарной пространностью: «Сказать, что он за дерзновение брани в Сенате довольно наказан и в старой чин достоин был бы. Но в каналном деле потачка и недосмотр. Того ради и за оную вину то тому сам себя учинил недостойным. Но для нынешнего торжества и обличенья Шафирова даеця чин полковничей и половина взятых деревень»⁹⁵⁵. Иными словами, восстановлению бывшего обер-прокурора в чине генерал-майора помешали его упущения в деле строительства Ладожского канала.

Положение Григория Григорьевича изменилось к лучшему после кончины Петра I. 21 мая 1725 года по предложению П. А. Толстого и А. Д. Меншикова императрица Екатерина I возвратила Григорию Скорнякову-Писареву вторую половину конфискованного имущества. 28 июля 1726 года императрица определила Г. Г. Скорнякова-Писарева начальником Артиллерийской канторы Военной коллегии, а 24 ноября — вторично произвела в генерал-майоры⁹⁵⁶.

Перед Григорием Григорьевичем маячила перспектива вернуться в высшие эшелоны власти. Но бывшего обер-прокурора подстерегало новое крушение.

Весной 1727 года, когда стал очевиден скорый уход из жизни тяжело занемогшей Екатерины I, крайнюю остроту приобрел вопрос о престолонаследии. Дилемма была несложной: или к власти приходит великий князь Петр Алексеевич или одна из дочерей Петра I от брака с Екатериной Алексеевной. В этих условиях у Григория Григорьевича, непосредственно причастного к мученической гибели царевича Алексея, не было выбора: он примкнул к исподволь формировавшейся «партии» противников воцарения великого князя Петра.

Расплата оказалась скорой и весьма суровой. Григорий Скорняков-Писарев 27 апреля был арестован, обвинен (за-

одно со своим бывшим начальником по Тайной канцелярии П. А. Толстым) в участии в мифическом заговоре⁹⁵⁷ и снова оказался в статусе подсудимого.

6 мая Учрежденный суд приговорил Г. Г. Скорнякова-Писарева к ссылке и некоему «наказанию». Дополнительно ему назначалась конфискация имущества, а также лишение чинов, титулов и орденов.

Вопреки многовековой традиции наказание, назначенное Григорию Григорьевичу, при утверждении оказалось ужесточено: его предписывалось отослать в ссылку, «быв кнутом»⁹⁵⁸.

Отправленный за полярный круг, в отдаленнейшее Жиганское зимовье*, расположенное на берегу реки Лены, примерно в 700 верстах от Якутска, Григорий Скорняков-Писарев едва не погиб от лишений. В довершение всего его стал притеснять местный комиссар Иван Шемаев. Нимало не интересуясь былым положением и заслугами ссыльного, комиссар для начала ограбил его, затем приказал избить, а потом и вовсе пригрозил утопить⁹⁵⁹.

Положение Г. Г. Скорнякова-Писарева изменилось, когда о нем вспомнили в Санкт-Петербурге и в мае 1731 года (по предложению бывшего генерал-прокурора Павла Ягужинского) назначили на должность главного командира Охотского правления. Бесправный обитатель Жиганска в одночасье превратился в единоличного управителя гигантской территории, включавшей побережья нынешних Охотского и Берингова морей, Анадырский край, Камчатский полуостров. По существу под властью формально оставшегося в статусе ссыльного Григория Григорьевича оказалась вся северо-восточная оконечность Европейско-Азиатского континента.

Впереди у Г. Г. Скорнякова-Писарева были успешные реконструкция города Охотска и обустройство Охотско-Якутского тракта, склоки с руководством Второй камчатской экспедиции (в том числе лично с Витусом Берингом), кратковременное возвращение в Жиганское зимовье, арест в 1740 году по обвинению в упущениях по управлению краем⁹⁶⁰. Впереди были дворцовый переворот 1741 года, долгожданная реабилитация, возвращение в Санкт-Петербург, третье производство в чин генерал-майора.

* Ныне село Жиганск, административный центр одноименного района (улуса) Республики Саха (Якутии).

И был указ императрицы Елизаветы Петровны от 23 апреля 1743 года, повелевавший Григорию Скорнякову-Писареву «жить в доме своем, и к делам никуда его не определять»⁹⁶¹.

Время кончины и место погребения Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева доподлинно неизвестны. Исходя из того, что в документе, составленном в марте 1752 года, тогдашняя супруга Григория Григорьевича Марина Кирилловна еще не наименована вдовой⁹⁶², можно заключить, что «автор геометрии» благополучно пережил середину столь бурного для него XVIII столетия.